

Моя главная книга о войне

Михаил Шолохов, Константин Симонов, Юрий Бондарев, Василь Быков, Борис Васильев... Это десятки талантливых, мощных, пронзительных книг о войне, которые не могут не нравиться и которые во многом сформировали мировоззрение двух или трёх поколений. Но если спросить, какая книга о войне стала главной лично для меня, я без долгих колебаний укажу на крохотную детскую брошюрку «Рыцарь» хорошего, но далеко не самого известного советского писателя Владимира Железникова. Эта книжечка, вышедшая задолго до моего рождения в издательстве «Детская литература», попала ко мне по наследству от кого-то из родственников. В ней объединены несколько рассказов о чести, долге, помощи слабым. Вполне могло случиться, что я вообще упустил бы её из виду, если бы не центральный рассказ книжки – «В старом танке». Рассказ оказался сдобрен иллюстрациями, на которых был изображён пленный советский танкист, смело смотревший в лица фашистам, и «тридцатьчетвёрка», на максимальной скорости ворвавшаяся на позиции немецкой противотанковой батареи. Как мог пропустить такое произведение российский мальчишка, мечтающий стать военным и зачитывающий до дыр мемуары ветеранов войны?!

Я прочитал рассказ на одном дыхании, потом перечитывал его ещё и ещё... Позже, когда книжка Железникова попадалась на глаза, читал «В старом танке» снова. Он стал для меня чем-то вроде любимого фильма: ты можешь пересматривать его сколько угодно раз, никогда не пресыщаясь. Сюжет рассказа казался мне тогда очевидным и очень простым, но до того ярким, искренним, правильным, что прочно засел в моей памяти.

Некий человек, завершая командировку, уже собирается покинуть город, но по дороге на вокзал встречает памятник – посечённый боевыми шрамами танк Т-34 на постаменте. Отец нашего командировочного воевал на таком танке и пропал без вести в 43-ем году. Человек касается брони, берётся за люк – тот неожиданно подаётся, и сын погибшего танкиста оказывается внутри боевой машины, точь-в-точь похожей на ту, в которой сражался его отец. А вскоре в танк заглядывает местный мальчишка, для которого этот памятник стал излюбленным местом для игр. Хлынувший дождь загоняет мальчишку внутрь танка. И вот, чтобы скоротать

время, командировочный рассказывает новому юному знакомому сначала о своём отце-танкисте, а затем недавно прочитанную в газете историю одного подвига...

Немецкий генерал предложил пленному русскому танкисту провести по артиллерийскому полигону трофейный Т-34, чтобы их расчёты противотанковых пушек смогли на практике испытать новый оружейный прицел. Дорожка длиной 16 километров под огнём, цена вопроса – жизнь и даже свобода. Вот такую сделку придумал по-европейски логичный немец. «На войне, как на войне», - сказал он пленному русскому лейтенанту. Танкист, которому 22 года, у которого мама на Волге и который, как и любой человек в 22 года, очень хочет жить, залезает в тридцатьчетвёрку и совсем по-взрослому понимает, что этот день будет для него последним и сегодня суждено умереть. Но он сейчас внутри клочка родной советской земли, его защищает уральская броня, а в руках табун из 500 дизельных «лошадей». Танк волчком развернулся навстречу полетевшим в спину снарядам и, мастерски маневрируя, понёсся к позициям немецких батарей. Вот одна уже раздавлена тридцатьчетвёркой, другая. Русский танк выбрался на шоссе и полетел на восток.

«Хотя бы несколько метров навстречу далёкой, родной, милой своей земле...

- И его не поймали? – спросил мальчишка.

Мужчина посмотрел на мальчика и хотел соврать, вдруг ему очень захотелось соврать, что всё кончилось хорошо и его, этого славного, геройского танкиста не поймали. И мальчишка будет тогда так рад этому! Но он не соврал, просто решил, что в таких случаях нельзя ни за что врать».

Немецкий генерал оказался по-европейски логичен во всём. В танке кончилось горючее. Пока советского танкиста – низенького ростом паренька с Волги – вели обратно, он подобрал полевую ромашку. Тогда последний страх из него ушёл. Генерал отдал короткую команду, раздался одинокий выстрел.

А потом мальчик задал незнакомцу, наверное, главный вопрос:

«- Может быть, это был ваш отец?!

- Кто его знает, хорошо бы, - ответил мужчина. – Но мой отец пропал без вести».

Дождь кончился. Герои рассказа «В старом танке» попрощались и разошлись. Мальчишка – горящий желанием узнать, кем же был тот героический танкист, и досадуя на себя, что забыл узнать имя и адрес незнакомца из танка. А командировочный – в мыслях о том, что история безымянного подвига стала для него теперь историей отца. «Так хорошо, что у него появилась эта история, и этот старый танк, и этот мальчишка»...

Перечитывая сегодня, зашедший несколько лет назад в моё сердце рассказ Владимира Железникова, я понимаю, насколько важная идея вложена автором в незамысловатый, казалось бы, сюжет для детей. Сам этот Т-34, он же для нашего командировочного – как старый, зазубренный в боях за правое дело отцовский меч. Отец ушёл на войну совсем молодым. Пропал без вести. От него не осталось ничего. Совсем ничего. Даже истории гибели. А как жить без корней? Тяжело! Один из десятков наших танков-памятников, в котором забыли заварить люки, стал для человека дверью в героическое отцовское прошлое.

Как оказалось, подвиг танкиста, художественно обыгранный Железниковым, имел, видимо, место быть в реальности. И даже не один. Следы как минимум двух подобных историй обнаружили после войны советские журналисты и военные политработники на бывших немецких военных полигонах в Ордруфе и Куммерсдорфе. После публикаций в газетах, которые упоминаются Железниковым, они легли в основу сценария хорошего фильма «Жаворонок» 1964 года. По воспоминаниям местных жителей, в Ордруфе пленный танкист из лагеря смерти передал танком несколько немецких пушек с расчётами, когда его попытались использовать в качестве живой мишени. А в Куммерсдорфе советские военнопленные даже смогли вырваться с территории полигона. Они добрались до расположенного поблизости концлагеря, протаранили КПП и проделали брешь в ограждении. Десятки узников смогли бежать. Танк поехал на восток, пока не кончилось топливо. Потом экипаж пробирался к фронту пешком. Бежавшие из лагеря заключённые были пойманы, а из экипажа танка линию фронта смог пересечь только один боец, но и он вскоре умер от истощения.

Старый танк на постаменте в рассказе Владимира Железникова создаёт духовную связь не только между пропавшим без вести отцом и его сыном. Эта связь захватывает и мальчишку – поколение внуков тех, кто разгромил фашизм. Совсем нетрудно продлить логическую цепочку автора. После описанной в рассказе встречи тридцатьчетвёрка перестанет быть для мальчика только местом для игр. В таких машинах шли в атаку за Родину советские танкисты – молодые и не очень, с Поволжья и Дона, с Урала и Дальнего Востока, из Белоруссии и Донбасса. Стояли насмерть под Москвой и Сталинградом, давили и рассекали в клочья фашистские дивизии на Украине, в Прибалтике и Европе. Громили врага и горели заживо сами... Чтобы были счастливы вот такие советские мальчишки, один из которых показан в рассказе.

В Перестройку и последующее десятилетие стало модным неодобрительно фыркать на советское понятие «Неизвестный солдат». Дескать, такое может быть только в тоталитарном Советском Союзе: безымянные братские могилы, неизвестные солдаты, непогребённые останки сотен тысяч солдат по лесам и болотам. Вот-де в Европе каждый погибший учтён и с почестями захоронен.

Так-то да... Но в цивилизованной Европе было принято цивилизованно капитулировать, когда ситуация на фронте становилась безвыходной. Там не бросались со штыком и сапёрной лопаткой в рукопашную, когда кончались патроны, не подрывали себя последней гранатой вместе с врагами, там не выходили из окружения через леса и болота неделями и даже месяцами. Там не таранили в горящих самолётах вражеские колонны и не закрывали телом амбразуры дзотов. А пленные танкисты в лагерях мирно играли в карты и фотографировались на память. Поэтому над Рейхстагом взвился именно советский красный флаг в 1945-ом. И поэтому миллионы советских людей не знали о судьбе погибших сыновей, братьев, отцов, дедов. В память о них существовали большие монументы и скромные памятники неизвестным советским солдатам, павшим в смертельной схватке с фашизмом. Рассказ «В старом танке» об этом тоже.

Читая его сегодня, я постоянно ловлю себя на мысли, что у меня в голове параллельно звучит «Баллада о борьбе» Владимира Высоцкого.

Если путь прорубая отцовским мечом,

Ты солёные слёзы на ус намотал,

Если в жарком бою испытал что почём, -

Значит, нужные книги ты в детстве читал!

Илья Рыженко